

великолепные
ДЕТЕКТИВНЫЕ
истории

Александр Рыжов

Бабочка на снегу

Елена Логунова

Где сидит фазан

Татьяна Устинова

Часы с секретом

Елена Дорош

Скрип в ночи

Галина Романова

Лыжня с сюрпризом

Анна и Сергей Литвиновы

Леди Идеал

Надежда Салтанова

Кольцо с сердоликом

Детектив
к Новому году

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Д. Сазонов*

Д38 **Детектив к Новому году** : сборник рассказов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-226848-9

Сборник «Детектив к Новому году» приглашает читателей окунуться в мир праздничных приключений, где каждая история — оригинальная головоломка, полная неожиданных поворотов и снежных загадок. Потрясающие авторы дарят возможность отвлечься от суеты и погрузиться в интригующие расследования. Рассказы из этой коллекции — подарок для ценителей остросюжетных историй, где на фоне ярких новогодних огней раскрываются захватывающие тайны. В них дома наполняются звоном бокалов, ароматом мандаринов и хвои, создавая чарующее настроение и атмосферу ожидания чуда!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-226848-9 2025

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Рыжов
БАБОЧКА НА СНЕГУ

7

Елена Логунова
ГДЕ СИДИТ ФАЗАН

61

Татьяна Устинова
ЧАСЫ С СЕКРЕТОМ

104

Елена Дорош
СКРИП В НОЧИ

122

Галина Романова
ЛЫЖНЯ С СЮРПРИЗОМ

164

Анна и Сергей Литвиновы
ЛЕДИ ИДЕАЛ

199

Надежда Салтанова
КОЛЬЦО С СЕРДОЛИКОМ

271

АЛЕКСАНДР РЫЖОВ

• БАБОЧКА НА СНЕГУ •

Юлечка Миклашевская была девушкой образцовой. В университете училась на отлично, шла на красный диплом. По комсомольской линии — ни единого нарекания, сплошные похвалы и поощрения. Поведение безупречное, прилежание завидное, моральные принципы устойчивые, политическая позиция совпадает с линией партии. Еще и активистка-общественница, ведет студенческий кружок интернациональной дружбы.

Если что и можно было вменить ей в вину, так это не совсем пролетарское происхождение. Ее папа, Геннадий Кириллович Миклашевский, при жизни считался видным ученым, специалистом с мировым именем. Поэтому Юлечка с детства росла в атмосфере достатка и, даже правильнее сказать, роскоши. Просторная трехкомнатная квартира в сталинском доме на Петроградской стороне производила впечат-

ление на всех, кому доводилось переступить ее порог: импортная мебель, новейшая бытовая техника, картины мастеров живописи на стенах, раритетные издания на полках книжных шкафов. Все это стоило денег, и немалых. У профессора Миклашевского они имелись, и он привык баловать себя и свою единственную дочку.

Одевалась Юлечка только в иностранное, пользовалась настоящей французской косметикой и украшения носила не поддельные, из стекляшек и пластмассы, а из подлинных благородных металлов и драгоценных камней. Нет, не обвешивалась ими с ног до головы, соблюдала меру и такт, и все же выделялась на фоне остальных советских девушек, которым приходилось довольствоваться невзрачным ширпотребом, помадой «Елена», поверх которой на губы для блеска намазывали вазелин, и краской для волос «Гамма» на основе купороса.

Что ж, Юлечка хотела слыть не только умницей, но и красавицей. И это ей прощалось. Все-таки на дворе стояли уже не пятидесятые годы, когда модниц прорабатывали на собраниях и клеймили позором. В конце семидесятых стремление к внешней красоте не рассматривалось как явление постыдное. Да и роскошь больше не называли пережитком буржуазного прошлого. О ней так или иначе мечтали все.

И пытались добиться — кто правдами, кто неправдами.

В Юлечкином случае все было честно и законно: папа обеспечивал и себя, и дочь за счет деканской зарплаты и многочисленных гонораров за научные публикации. Вещи из-за границы тоже привозил легально — когда ездил в служебные командировки на симпозиумы и конференции. Обеспеченностью своей Юлечка не кичилась и не жадничала, как многие зажиточные люди. Если все студенты сдавали по десять копеек в помощь каким-нибудь голодающим азиатам, она всегда сдавала пятнадцать, а то и двадцать.

Год назад профессор ушел из жизни, и все им нажитое досталось Юлечке. Смерть отца она переживала искренне, а к свалившемуся богатству отнеслась спокойно. Собственно, для нее мало что изменилось: практически все имущество, доставшееся ей по наследству, и так находилось в ее распоряжении. В деньгах Геннадий Кириллович ее не ограничивал, позволял тратить сколько угодно. Правда, после его смерти она всерьез задумалась, ведь из регулярных доходов у нее осталась лишь стипендия в сто рублей. Однако профессорских сбережений было вполне достаточно, вдобавок продолжали идти отчисления от допечатываемых книг, поэтому нищета Юлечке не грозила.

Жила она теперь в одиночестве, огромная квартира, где не с кем было словом перемолвиться, навевала грусть. Вокруг Юлечки постоянно вилоьсь не меньше десятка претендентов на руку и сердце, но никто из них не трогал ее душевных струн. Только однажды появился на горизонте человек, которого мало волновали ее жилплощадь и материальное положение, — молодой перспективный хоккеист Леша Касаткин. Но и с ним не сложилось, расстались. А все почему? Юлечка со свойственным ей максимализмом решила помочь ему сделать карьеру, подключила все свои и папины связи, достучалась до таких верхов, до которых простым смертным никогда не дотянуться. А неблагодарный Касаткин наплевал на ее усилия и вместо того, чтобы взбежать по крутой спортивной лестнице к олимпийским высотам, уперся как баран. Так и играет до сих пор в заштатной командишке, хотя давно бы уже мог в сборную попасть...¹

Но это в прошлом. Юлечка не любит вспоминать о неудачах на личном фронте. В конце концов, ей всего лишь двадцать с хвостиком, вся жизнь впереди. А пока что она по кирпичику выстраивает свое будущее: учится, во время летней практики работает в архиве, набирается

¹ Подробнее читайте об этом в романе А. Рыжова «Жизнь на грани фола».

опыта и укрепляет авторитет. И это приносит свои плоды. Руководство университета ее уважает, ценит, ставит в пример. А значит, все у нее идет, как надо.

За учебные и общественно-трудовые заслуги Юлечке что-нибудь да перепадало. То единовременную прибавку к стипендии выпишут в честь юбилея ВЛКСМ, то льготную путевку в Зеленогорск за организацию акции в поддержку угнетенных североамериканских индейцев. Мелочь, как говорится, но приятно.

Поэтому Юлечка не удивилась, когда однажды зазвонил телефон и мужской голос с официальными интонациями произнес:

— Юлия Геннадьевна? С вами говорят из Общества филологов и лингвистов. От университета поступило ходатайство... В нашем распоряжении есть комфортабельный коттедж на севере Ленинградской области. Вам предоставлено право отдохнуть в нем в течение двух дней.

Юлечка наморщила лоб. Общество филологов и лингвистов? Никогда о таком не слышала. Но это и немудрено. В СССР столько всяких обществ развелось — не сосчитать.

Подходил к концу 1978 год, наступила зима. В Ленинграде, где вечно дули стлывые ветры с залива, было неуютно. Выходные за городом — это лучше, чем тоскливо сидеть в квартире или бродить по морозным улицам. В кино

ничего интересного, театральные постановки — по вечерам, а все городские музеи она, как представительница интеллигентской семьи, обошла еще в ранней юности.

— Коттедж? А сколько это будет стоить?

— Все расходы берет на себя профком университета. Коттедж на четверых, вам будет предоставлено место в комнате на двух человек. Питание и транспорт — тоже за счет учебного заведения.

Не красота ли? Ради таких вот предпочтений стоило тянуть лямку и быть пай-девочкой.

— А кто еще едет? — уточнила она. — Будет кто-нибудь с нашего курса?

— Нет. Еще трое поощренных, они не из вашего вуза. Тоже активные деятели, вам любопытно будет с ними пообщаться... Так вы согласны?

Юлечка и не думала отказываться. То, что поездка обойдется без знакомых, ее не огорчило, скорее, наоборот. Так получилось, что друзей и подруг, которым бы по-настоящему доверяла, у нее не было. Помимо назойливых ухажеров имелись еще приятельницы, которые в глаза говорили ей комплименты, а за спиной распускали пошлые сплетни. И еще — добрая... хотя нет, конечно же, недобрая сотня завистников и завистниц. Юля силилась не обращать на них внимания, но, что ни говори, их общество

утомляло. Побывать вдалеке от них — уже само по себе удовольствие. С незнакомыми людьми она сходилась легко и не сомневалась, что там, вне города, в компании ничего о ней не знающих активистов будет комфортно.

Со свойственной ей дотошностью она выяснила, кто, когда, на чем и откуда ее заберет и доставит в коттедж. Юле любезно объяснили, что в пятницу вечером прямо к ее дому подъедет синяя «Нива», за рулем будет водитель Георгий, он и отвезет куда надо. Тем же манером через двое суток, то есть на исходе воскресенья, ее вернут обратно. С собой посоветовали взять теплые вещи, а о продуктах и питье не беспокоиться — в коттедже все есть.

Юлечка всегда верила вежливым людям с официальным голосом. Она упаковала в небольшой рюкзак синтетический джемпер, который папа привез из Швеции, утепленные норвежские брючки спортивного покроя, этим и ограничилась. Остальное рассчитывала надеть на себя. Ах да, и, разумеется, не забыла косметичку с французским содержимым: брусок пахучего польского мыла и флакон болгарского шампуня. Кто знает, как там, в этом коттедже, с банными принадлежностями.

В назначенный час Юля вышла из подъезда. Синяя «Нива» уже ждала ее. За рулем сидел парень располагающей наружности, он

назвался Георгием и помог ей уложить рюкзачок в багажник.

Выехав из города, они двинулись по Мурманской трассе на север, в сторону Подпорожья. Ехали долго, часа три. За окном стемнело, смотреть было не на что, мягкое покачивание машины навевало сон, и Юлечка задремала. Георгий оказался неразговорчивым, на вопросы отвечал коротко. Сказал, что его дело маленькое — доставить отдыхающих на базу. А уж как они там будут проводить время, его не касается.

Было уже около девяти вечера, когда они, проехав по Яковлевской дороге, завернули в крохотную деревушку с десятком дворов. Юлечка разглядела в свете фар табличку на углу ближайшего дома: «Зеленый тупик, 4». Подумала, не сваляла ли она дурака, пустившись в путешествие в неизведанные глухие края незнамо с кем.

Но отступать было поздно. Георгий выкатил из сарая механическое чудо на полозьях, с высоким ветровым стеклом и лупоглазым фонарем, делавшим агрегат похожим на циклопа.

— Пересаживайтесь. Дальше дороги нет, поедem на снегоходе.

Было жутковато, но Юлечка не относила себя к натурам робким и храбро пересела из машины в передвижную каракатицу, на которой не ездила ни разу в жизни.

Вспыхнул фонарь, разрезая тьму. Зарычал мотор, и снегоход с гордым именем «Амурец» (так значилось у него на борту) помчался по белой целине.

Резануло ледяным потоком воздуха. Юлечка закутала лицо шарфом и натянула пониже норковую шапку. Несмотря на холод, она ощущала нечто сродни упоению — от скорости, от громкого рокота, от вихрившейся снежной пыли.

Георгий довез ее до входа в двухэтажный домик с крыльцом, подал руку, и Юлечка, сделав неосторожный шаг, ухнула по пояс в рыхлый снег.

— Прощу прощения! — извинился Георгий. — Забыл предупредить. Надо сразу становиться на ступеньку, иначе провалитесь. Вот так.

Он легким движением выпростал ее из белой топи и поставил, словно куклу, на деревянное крыльцо. Юлечка отряхнулась. Снег набился в сапожки, это было противно, но она надеялась, что в коттедже ей удастся просушить обувь, а ноги, порядком замерзшие за время долгого пути, сунуть в ванну с горячей водой. Есть же здесь ванна?

Впрочем, уверенности в этом не было. Домик стоял одиноко среди заснеженной равнины. Сложно было определить, насколько она велика, волнистая крупитчатая поверхность уходила вдаль и терялась во мраке.